

*Владимир
Каткевич*

С ветерком в Аркадию!

ОТ ПРОСЕЛКА К ПСЕВДОПРОСПЕКТУ

От Пироговской В Аркадию до войны ходил трамвай 25-го маршрута. Путь был одноклейным, развилка находилась в районе Каховских казарм. В войну румыны пути сняли и оприходовали, возможно, по аркадийским рельсам бегают трамвай где-нибудь в Бухаресте.

Троллейбусная линия пятого маршрута была пущена в гагаринском апреле 1961-го. Символично, что на пути к Аркадии провода пересекли будущую улицу Гагарина, переименование Ботанической случилось позже. На финишном рывке в развитии космической темы линия еще жметя к Гагаринскому плато, нынче почти скрытому в ходе оголтелого строительства. По тем временам маршрут выглядел почти экспрессным, от Шампанского до Пионерской троллейбус несся с раскрепощенным воем, путь от вокзала до Аркадии занимал в два раза меньше времени, чем у номерного тезки, трамвая пятого маршрута.

На первый взгляд сорок пять лет транспортный юбилей не круглый, хотя и весомый. Но беда в том, что до круглого беззаветные трудяги могут просто не доскрипеть. Кстати, трамвайный трест уже умирал. В начале прошлого века записи в трудовых книжках выглядели экзотично: «Зачислен кучером конно-железной дороги – 1912г. Переведен вагоновожатым – 1916г. Уволен в связи с ликвидацией предприятия - 1920 г. ».

Что бы там ни было, а событие сорокапятилетней давности стало знаковым: благодаря сквозному троллейбусному сообщению Ново-Аркадийская дорога обрела статус улицы.

Как известно в меридиональном направлении отшибные некогда дачные районы перерезают балки: Фонтанская, Люстдорфская и Ново-Аркадийская, сформированные ручьями, ключами, одноименными или безымянными, сборной влагой из бань, душей и прачечных. Со временем эти склеротические водные капилляры упрятали в подземные бетонные кольца, журчание можно услышать только у люков. Последним приветом обнаженного водосбора остался ручей, настойчиво скачущий через мусорный хаос под мостом на даче Ковалевского. Ручейки сопровождали неуверенные улицы, зачастую прерывистые, с козами и виноградниками. Пунктирные улицы, сохранявшие после пауз нумерацию калиток, традиционно обозначали дорогами, даже при переименовании, как было с Люстдорфской-Черноморской.

По мере обживания и ступенчатого благоустройства Ново-Аркадийской экс-дороги, на уличном ее приобщении не остановились, переименовали ее в его, осчастливив рангом трижды изломанного проспекта, а позже еще и располовинили, оттяпали пышный хвост, обозначив его Генуэзской. Размашистость, на мой взгляд, совершенно необоснованна, проспект все-таки предполагает перспективу, торжественность и впечатляющую протяженность при непреклонной прямоте. Как авенида в Ресифи или Сантосе, где автору приходилось бывать. А какого порядка можно ожидать от разбитой самосвалами грунтовки, сопровождающей невыразительную балку? Немудрено, что когда-то коробка солдат, утопая в глубоких рытвинах Ново-Аркадийской, ломала строй, сержанты плевались.

СТУКАЛКИ ДОЙЧЛАНД ЗОЛДАТЕН

В 46-ом, когда маршал Жуков командовал Одесским военным округом, Ново-Аркадийская дорога прощалась с цивилизацией прямо у 411-го госпиталя, где город обрывался. Сам госпиталь пострадал незначительно, косметически, сказали бы сейчас. В дальнем корпусе, где нынче строевой

отдел, вещевой склад и адъютанта, ютились семьи офицеров. Например, однокашник автора Рослик родился во флигельке бывшего морга. Потом семью переселили в госпитальную библиотеку, откуда Рослик приносил книги по гинекологии. С иллюстрациями.

Квартирантами в погонах уплотнили и “дома слепых” по переулкам Госпитальному, Кренкеля и Французскому бульвару. Сам штаб округа лежал в руинах, штабные кучи развивали “развалки” довоенного жилого комплекса по Пироговской 7/9. В пустых коробках здания штаба тыла в Пироговском переулке горланили вороны. Иногда жадные до падали птицы перелетали через госпиталь к зданию бывшего юнкерского училища по Итальянскому бульвару, где позже обосновался штаб 5-ой воздушной армии.

Не пострадали на Пироговской “акционерные дома” дореволюционной еще постройки. О них тепло писал Валентин Катаев в самом последнем произведении с необозначенной формой “Сухой лиман”. В этих “сквозняках” под номерами 3 и 5 прошла часть моего детства. Сейчас выкупленные и перепланированные акционерные дома фактически вернулись к своему изначальному качеству. Неприкаянные же ровесники, выселенные на Молдаванку или в Теплодар, вырученную разницу оставили в винных погребах, и покинули этот суматошный мир, напрочь отвергнув рыночные безобразия.

Сохранились и расположенные по пути обратного движения троллейбуса-пятерочки Мариинская богадельня и особняк с загадочной усадьбой в номере 4-ом по Крупской. Мы с опаской лазили через забор в таинственный мини-парк с иссякшим фонтаном и замшелыми мраморными фигурами амуров. В особняке обитал генерал Аминбаев, фланировавший в любое время года в меховых бурках. Генеральских потомков со временем уплотнили, на месте усадьбы построили флигель 57-ой школы, где автор набирался ума. Бублик фонтана, бездействующего, наверное, со времен

освобождения Бессарабии, чудом уцелел, и до сих пор сухо оживляет школьный мячочок, а амуры перелетели на кладбище.

Гуляя по Крупской-Мариинской генерал Аминбаев с одобрением косился на коробку солдат стройбата, которые с песней “Нам парашютистам привольно на небе чистом” маршировали на ужин или в баню, и морщился, когда слышал цоканье по брусчатке деревянных «стукалок». В стукалки экипировали поизносившихся военнопленных, напрягавшихся на окрестных военных объектах. Немцы, понятное дело, маршировали без песни “Дойчланд золдатен”.

В то время не было ни стадиона СКА, ни дома офицеров. На открытие дома офицеров министр обороны Жуков приедет в Одессу в 56-ом. А в 46-ом на стадионе “Динамо”, где дислоцировался дивизион зенитного полка, вращались локаторные уши лендлизовских станций канадского происхождения. Более-менее пригодное жилье располагалась архипелагами, иногда острова оседлой жизни маячили на приличном удалении, территория осваивалась робко и немотивированно. Последним приветом после госпиталя был уцелевший четырехэтажный дом в стиле модерн по правому борту, где жили военные медики. В советское время там можно было у практиковавшего подпольно протезиста, украсить свою улыбку золотой коронкой всего за 70 рублей.

Дальше дорога вырывалась на оперативный простор и пробиралась без надежды сквозь пиратские огороды, разбитые при оккупационной голодухе неизвестно кем, пустыри, засиженные чайками свалки, тоже разовые, сараи, крытые толем, украденным с рубероидного. Прямо в колее сочилась, обессиливая в лужах, речка Вонючка. Единственным объектом, за который цеплялся взор, выглядело величественное довоенной постройки здание ОКЭИ, Одесского кредитно-экономического института. Проезжавшие мимо ОКЭИ студебеккеры замедляли ход и сигналили, девчата, все поголовно в беретах, смеялись, а горбатые студенты-инвалиды, учившиеся на

плановиков, приветливо махали солдатам костылями. С тыльной стороны «кредитки», где обитали преподаватели, сушились пеленки, сшитые из портянок. Сейчас, в дворовом флигеле, кажется, банк, а в фасадной части админкорпус Политехнического института.

РОМАН КАРМЕН НЕ РОМЭН РОЛЛАН

Отвалы битого кирпича заслоняли архипелаг “Домов специалистов”, гордо отвернувшийся к Пролетарскому бульвару. Дома специалистов городили в печально памятном 37-ом, сразу после новоселий красных директоров фасовали по «воронкам». Освободившуюся жилплощадь осваивали строгие товарищи с васильковыми околышами. Когда жильцы пачкали батареи гуталином, освежая бархоткой хромовые сапоги, уборщицы не решались делать им замечания. Угрюмая таинственность до сих пор сгущается в лабиринтах дворов до сих пор, дома выглядят такими же неприветливо, несмотря на частые окна.

Контрастно смотрелся, обращенный к Ботанической, но соблюдавший дистанцию 4-ый интернат, где с выражениями играли в футбол.

В очаге казенной жизни из детей войны, лишившихся отцов, готовили дипломатов и разведчиков. Будущих штирлицев учили танцевать бальные танцы, в интернат на вечера отдыха приглашали студенток из ОКЭИ.

- Все абрикосы в округе и все девушки наши, - хвастались воспитанники.

Пивзавод Санцебахера был очагом производственной жизни, едва ли не единственным на всем течении Вонючки, после него она набирала силу, наполнялась и увереннее формировала русло. К пивзаводским мощностям прилепился единственный двор, где прижился технический персонал, сейчас его облагородили под офис. В 1-ом Пролетарском переулке, притаился похожий на шкатулку двухэтажный особнячок главного инженера с немецкими корнями. Есть в переулке клуб, хозяин до революции построил его для рабочих, автор любил ходить туда в кино или на танцы под радиолу.

Почему-то 1-ый Пролетарский переулоч так и не стал Французским по примеру Пролетарского бульвара, а обозначился переулочком Романа Кармена. Один коммунальный житель инженерного особняка упорно считает, что проживает в переулочке Ромэна Роллана.

Произведенное заводом “Жигулевское” можно было купить только в гастрономе на Пироговской, других торговых точек в радиусе двух километров не водилось. Пива всегда не хватало. Говорили продавцу: “ Мне здесь”, он вычитал стоимость тары, неважное пиво пили в тесноте очереди, кричали, изображая удовольствие.

Дни исторического пивзавода уже сочтены, от него осталась только коробка. С постройкой элитных термитников на лакомой территории изменится пейзаж, а не исключено, что и микроклимат, морские бризы не смогут проникать на когда-то привольную Ботаническую-Гагарина самую тополевую улицу города.

РУБЕРОИДНЫЙ КЛОНДАЙК

Следующим и последним производственным объектом на маршруте пятерочки был рубероидный завод, угадывавшийся еще с Пироговской по черной трубе.

Если очаг творческой жизни кинофабрика манила отрадских пацанов «кинами», киноплёнками, которые почему-то нарезались по 6 кадров, то рубероидный папиросами и этикетками “Икра баклажанная”. Тогда предприятия не умели осваивать продукцию малыми партиями, и избыток ее, папиросы «Север», бракованные и не очень, еще “Памир”, наклейки с консервного завода имени Ворошилова, бухгалтерские квитанции в фантастических количествах, часто с копирками, прессовались в тугие, перевязанные проволокой тюки, размером с «москвич», и благословлялись на толевый, так чаще обозначали чадное производство. Стаи гаврошей спускались с высокой стены по отполированному столбу, рассеивались

среди штабелей пшенично-бумажно-табачной продукции и с ожесточением выщипывали тюки. Когда из засады выбегал сторож, все не успевали одновременно вскарабкаться на спасительный столб. Последним в тот раз оказался Костик нежный мальчик из соседней 59-ой школы. Сторож снял Котю со столба, как белку, принес в будку и стал воспитывать. Объяснил, что не для того, он проливал кровь в корейской войне, чтоб потрошили тюки.

Костик, раскаялся, и сторож даже подсадил его на столб. На другой день в моем классе прервали уроки, всех выстроили по половому признаку, то есть исключительно мальчиков, и автор, цепенея, узнал рубероидного сторожа. Сторож обошел шеренгу, притормозил напротив автора и уверенно сказал: -Этот мацал тюки.

Выяснилось, что после амнистии Костика, корейский ветеран обнаружил пропажу американских наручных часов “Виктори” с 18 камнями, которые приобрел в 54-ом в Шанхае.

Костик, не будь дураком, соврал сторожу, что учится в 57-ой школе, и что растет без отца. Учился он в соседней 59-ой школе, а бабушка его, генерал-майор, служил при штабе Рокоссовского, фамилия его была Аминбаев.

Костя не остался в долгу и вскоре подарил автору чистый с печатью бланк аттестата зрелости. В учительской 59-ой школы вскрыли сейф, причем проникли в помещение через форточку, размером с учебник.

Летом школьников посылали на прополку в зелентрест. Зелентрест располагался по пути движения пятерочки на квартале от Гагарина до переулочка Матросова, где позже построили здание обкома в административном стиле. Тогда же на привольной территории, слабо защищенной дырчатым ракушечным забором, совхоз «Гроянда» выращивал цветы. Можно было, перемахнуть через ограду, надергать чего попало, и при неистовом лае несущейся через грядки овчарки, вскарабкаться на забор с букетом чахлых роз, чтобы подруга оценила безрассудство.

На принудработках мы естественно ходили на голове. Костик, убегая от Лени из 54-ой школы, и оглядываясь, незаметно взбежал по стеклянной крыше теплиц. Стекла были припорошены пылью, и ему показалось, что кровля из жести. Провалившись, Ленька нанизал себя на черенок лопаты, а Костик благополучно добрался по тонким реечным рамам до конька. Только тогда мы обратили внимание на его нематериальность.

- Да он же не растет, - сдавленно процедил Ленька.

Лени, увы, нет в живых, он умер после употребления метилового спирта в Бомбее, чепэ удостоилось приказа по пароходству, приказ по радио разослали на суда.

СЛОНЫ ПЕРЕД ЛОМБАРДОМ

Обещанием монументализма с несколько сдержанным мотивом, как, скажем, на Ленинском проспекте в Москве, или на Комсомольском, стали «генеральские» дома на углу Гагарина, по Ново-Аркадийской №6/3 построенные в 56-57годах. После плантаций зелентреста эти памятники эпохи выглядели сюрпризом, на зелентрест не покушались даже военные. Тем не менее, в «шестерку» офицеры переезжать не спешили, говорили:

- В курятник не поедем.

И продолжали обитать в домах слепых. Один знакомый до сих пор живет в двухэтажной башенке рядом с нынешней канатной дорогой, Самострой простили, потому что, его батюшка был в охране маршала Жукова, на которого, якобы, готовил покушение Сталин.

“Шестерка” добилась респектабельности уже в новейшей истории, в подвале, приямок которого размером с оркестровую яму, расположилось модное лечебное учреждение, а на первом этаже даже обосновался престижный ломбард, возле которого толкуются цыгане. Костик какое-то время работал при ломбарде часовщиком, присутствие давало повод промышлять валютой и «рыжьем».

Это, пожалуй, самый парадный и композиционно удавшийся участок Ново-Аркадийской. Вторят «шестерке» и ведомственные здания дома №9 одесской железной дороги. Их тоже несколько в композиции, немного отступивших от улицы, с балюстрадами, полуколоннами в неумеренных количествах, с арками, куда вписывается автокран. К переулку у пивзавода обращено здание, где до сих пор размещается общежитие машинистов локомотивов.

Однажды движение троллейбуса перекрыли. Из-под арки дома №7 вышел караван слонов. На слоне ехал Волька со стариком Хоттабычем. Сзади бежал Костик, он угодил в детский кинохит.

Трех рублей, вырученных за участие в массовке, хватило на пять бутылок вина «Гратиешты».

Костя исчез из поля зрения в шестом классе. Говорили, что его перевели в интернат для инвалидов. Ему там, наверное, было невесело, нечасто я встречал его маленького, сохранившего соразмерность детству, на склонах Отрады.

КРАСНЫЙ ПЕТУХ В КОТОВСКИХ КАЗАРМАХ

Уже за переулком Романа Кармена монументализм поперхнулся на типовых хрущевках строительстве, а за последним сталинским домом по переулку Довженко споткнулся окончательно.

Вся Ново-Аркадийская уникальный музей советской архитектуры под открытым южным небом, где в хронологической последовательности чередуются все возможные типовые и не типовые направления зодчества послевоенного периода. А также демонстрируются последние строительные технологии. Если, скажем, близлежащая Сегедская комплексно застроилась хрущевками за 2-3 года, то Ново-Аркадийская уплотняется до сих пор. Из санатория Дзержинского зеленую рекреационную зону нахально теснят «элитки», то есть архитектурный парад в разгаре, на застройку улицы уже

ушло 60 лет(!), и думаю это не последнее строительное вмешательство в облик улицы.

Настойчиво муссируются слухи о сносе котовских казарм по Ново-Аркадийской 8, где до сих пор на обрамленных железом ступеньках выемки от каблуков солдатских сапог. В этих казармах 28-ой дивизии неоднократно бывал Георгий Константинович Жуков. В шестидесятые при масштабных хрущевских сокращениях армии, солдатов потеснили, и неприветливые строения заселили офицеры. Сейчас в двухэтажках доживают вдовы. Несколько лет назад в дальнем флигеле случился пожар, пожар, надо полагать, был умышленным. Перед рождеством на Довженко продают елки, и котовские казармы в шершавой «шубе» штукатурки похожи на несоразмерный елке подарочный барак. Если на месте казарм построят монстры, похожие на равномерно вязаные корзины, то улица, по которой едешь на реликтовом троллейбусе, как сквозь жизнь, навсегда утратит свой облик и неповторимый колорит.

Казармы не последний объект военной принадлежности по пути движения «пятерочки». Улица военизировалась с истоков: помимо госпиталя и штаба тыла, в доме №6 располагался бестолковый галантерейный магазин военторга, и фотоателье с фотографиями генералов в иконостасах наград. Гостиница для офицеров с буфетом, где наливали, пряталась в глубине дворов. В двухстах метрах по Гагарина на углу Сегедской располагалась территория с плацем, на которой одновременно дислоцировались автобат, спортрота, оркестр и ансамбль Одесского округа, еще рота сопровождения грузов, рота охраны штаба округа, вычислительный центр особого отдела и 4-ая военно-строительная рота, где автор хлебал солдатские щи и где успел отсидеть сутки в карцере.

По переулку Довженко располагается построенный 4-ой ротой Военпрект –690, а в балке у Шампанского переулочка дореволюционные

провизионные склады. Они частично уцелели, автор при солдатской жизни ездил туда на грузовике за квашеной капустой.

Военный городок из 16-квартирных ДОС-ов, домов офицерского состава, для конспирации обозначенный Мирным, тоже находится по течению Ново-Аркадийской за дендропарком имени Победы-Ленина. Один ветеран жаловался на то, что и в Забайкалье, и даже в Венгрии селили почему-то в Мирных. Там же на Говорова находится гарнизонная комендатура с гауптвахтой, возле которой можно увидеть подметающих под конвоем окурки «губарей». Объекты военной принадлежности оккупировали четную сторону улицы, по нечетной же вслед за ведомственными домами железной дороги расположился жиденский рядок пятиэтажек ЧМП. В одной из них, наиболее значимой, находился торгсин, вокруг которого ошмвались менялы и скупщики сертификатов-«бонов». Неподалеку детский садик ЧМП. Правый фланг парходской шеренги замыкала бывшая гостиница «Моряк» в гранитном цоколе, последнее в городе свидетельство ушедшей Великой Эпохи. Полноценный цоколь только подчеркивает нелепость золотисто-зеркальной мишуры, в которую нарядили нынче Хозяйственный суд, преемник гостиницы.

НА МОПЕДЕ ПО КАТАКОМБАМ

Если типовые «хрущобы» теснятся вплотную к Ново-Аркадийской, то здание «ЧерноморНИИПроекта», оставив место для троллейбусной остановки, тактично отступило к балке, где еще до 60-х Вонючка питала живописное болото, любители ходили туда копать червей. Просторный актовый зал ЧерноморНИИПроекта арендовала киностудия. Мне даже посчастливилось в 1965-ом слушать там «живьем» Высоцкого. Это было едва ли не первое его выступление в Одессе. В рубашонке с коротким рукавом, Высоцкий выглядел даже отчасти провинциально. Исполнялись в

основном баллады, особого впечатления на автора концерт не произвел. В этом же зале уже осенью состоялась премьера фильма «Короткие встречи».

Единственным местом, где улица, необоснованно нареченная проспектом, еще недавно напоминала бульвар, был участок от Шампанского переулка до Пионерской. Там троллейбус пробирался через зеленую зону, как, скажем, на Крестовом острове в Ленинграде. Иллюзия лесопарка на Ново-Аркадийской особенно удалась, когда в 60-е снесли ракушечный забор, ограждавший тылы ботанического сада, и обнаружился запущенный персиковый питомник. У питомника проезжую часть перебежали лисицы, ночные троллейбусы притормаживали. Летом в крайних домах на Пионерской был слышен стрекот лягушек, населявших водоемы дендропарка. Сейчас иллюзия пропадает, высотки, я говорил, внедряются в рекреационную зону санатория СБУ, лихорадочное «башенно-пирамидальное» строительства, принимает ненормальные размеры.

Не уверен, что можно отнести к военизированным учреждениям сам санаторий СБУ (бывший НКВД, МГБ, КГБ имени Дзержинского), коварно подбирающийся тыльной стороной своего шикарного парка с магнолиями к Ново-Аркадийской, но еще менее он тянет на гражданскую принадлежность. Капитан НКВД Молодцов-Бадаев с партизанским формированием уходил в катакомбы именно из этого санатория. Возле 56-ой школы до сих пор сохранилась шахта, по которой спускались бадаевцы. Уходили с энкавэдэшным куражом, вызовом, когда над вокзалом уже полоскался румынский триколор.

Штрек у 56-ой школы довольно просторный, автор даже гонял по нему на мопеде «Ява-Пионер» с Костиком. Костик спустился в подземелье с парабеллумом, который, возможно, нашарил в отцовском трофейном чемодане. Револьвер был наградным с инкрустацией. Причем наградили не генерала Аминбаева, а обер-лейтенанта Клауса Шлютке. «За образцовое выполнение задания. 1942г. Трансистрия», - было

выгравировано на хромированной рукоятке. Не исключено, что обер-лейтенант выполнял рискованное задание именно в катакомбах. Патронов было в обрез, мы выстрелили по разу и чуть не оглохли.

В 80-е на площади 10-го апреля в подземный ход провалился грузовик. Водитель и девушка, ехавшая в кабине, захлебнулись стоками.

Развиваемое в 60-е строительство тоже ориентировалось на армейские нужды. На Черняховского и Пионерской вырос целый микрорайон из пятиэтажек, куда вселились пограничники из Туркестана. В Аркадии пользовалась популярностью футбольная команда «Пограничник». Тон в ней задавал парень по прозвищу Конь. После драки на танцах в турбазе Молодцова-Бадаева Коня посадили. В формате с Ново-Аркадийским массивом сдали и гостиницу «Аркадия», тоже пятиэтажную, возведенную из тех же стандартных блоков с запасом прочности.

ЗРИТЕЛИ БЛАГОДАРНО ВЫСАДИЛИ ОКНО

Однажды толпа запрудила улицу, и движение троллейбуса прервалось. Люди прибывали, пассажиры из «пятерочек» валом спешили к гостинице. Оказалось, киносъёмочная группа фильма «Опасные гастроли» с Владимиром Высоцким, Радой и Колей Волшаниновыми спустилась в ресторан пообедать, Высоцкий взял у оркестранта гитару... Толпа брала ресторан приступом. Обессиленного чаевыми швейцара выманили наружу и больше не впучкали. Когда в зале высадили окно, усиленный микрофонами голос Высоцкого выплеснулся на Ново-Аркадийскую. Воодушевленная «Охотой на волков» публика пустила шапку по кругу, чтобы оплатить витринное стекло, и стихийный концерт продолжался, набирая силу.

Бесполезно перечислять фамилии столичных актеров, которые в разное время обитали в гостинице «Аркадия». Наверное, все знаменитости, хоть раз гостили там, традиционно вслед за одной киносъёмочной группой селилась

следующая. Автор однажды ехал от «Аркадии» в такси с Савелием Крамаровым. Крамаров теребил в руках авоську, где хрустел газетный сверток, и выглядел, мягко выражаясь, странновато. На Ленина актер рассчитался талонами, их выдавали актерам с суточными, после чего водитель гневно выплюнул окурочок.

Чуть ли не до шестидесятых троллейбусный маршрут от парка Ленина и до Аркадии сопровождала скромная канава, в которую уместили Вонючку, принявшую не только отстой с пивзавода, но и мыльные стоки солдатских бань всех окрестных частей, и воду, которой окатывали из гидрантов танки, кунги, всю грозную технику, размещенную в боксах на охраняемых пространствах по Говорова_Артиллерийской. В тропиновых местах канаву преодолевали по дощатым мосткам. Одна из тропинок вела через голую территорию только что построенной турбазы Молодцова-Бадаева. Ближе к Тенистой в двухэтажном доме с легкомысленным санаторно-курортным мотивом дислоцировался штаб авиадивизии с локатором на горке. На месте локатора вознеслась гостиница «Виктория», так что и сохранившийся до сих пор бывший штаб, перепрофилированный в жилой дом, хорошо замаскирован.

Здесь в видимости канавы Ново-Аркадийская облегченно встречалась с линией трамвая, приобщаясь к курортной цивилизации чередой здравниц: санаториями «Дружба», «Молдова», «Приморье», «Автопансионатом» и домом отдыха погранвойск, что на Гагаринском плато.

«Молдова», пожалуй, единственный в городе санаторий, парадный вход которого выполнен в классическом курортно-сочинском стиле с лестницами, обнявшими косогор, и оживившими ландшафт. Иностранная принадлежность «Молдовы», вероятно, спасла территорию от уплотнения или коврового раздеребаривания, как это случилось с «Дружкой». Руины «Дружки» перед застройкой доживают свои последние месяцы в режиме бомжатника. «Дружба» был самым доступным, подлинно народным

санаторием без амбиций. Автор, будучи школьником, на производственной практике, которую при Хрущеве учредили в старших классах, перекрывал марсельской черепицы крыши его уютных, рассеянных по парку коттеджей.

ГЕРОЙ ЦУСИМЫ

Наградой за настойчивость для речушки было свидание с морем, доступным, без утомительных тропинок в глинистых склонах, как в Отраде. Предчувствием моря были скалы, выбегавшие к кольцу троллейбуса-пятерочки, на плечах ноздреватых утесов развивался санаторий “Приморье”, нынче тоже перепроданный. Дальше речка ныряла водопадом в глубокий овраг и по нему проникала прямо в пляж, где не помещались все желющие. Приезжие с удовольствием утоляли из ручейка похмельную жажду и находили водичку даже минерализованной, не догадываясь о происхождении солоноватого привкуса.

Иногда в зимнюю Аркадию, с застрявшим в кронах акаций монотонным мычанием науктофона, забредал человек во всепогодной рабочей матросской робе, напоминавшей жестяную, и ботинках-гадах без шнурков, надетых на босы ноги. На оголенной даже при снегопаде груди престарелого матроса был изображен броненосец «Цесаревич Михаил». Аркадийские аборигены по простоте называли пришельца Цусимычем, он действительно участвовал в Цусимском сражении.

Приходил исторический персонаж с Каманина. В пятидесятые на Каманина дислоцировалась морская батарея, где по рельсам передвигался бронепоезд с орудиями главного калибра, которые стреляли на 70 километров. Позже подразделение расформировали, а часть техники законсервировали, она хранилась в таинственной запретной зоне, пока не разворовали. В запретной зоне Цусимычу было скучно служить, и потому он оставлял пост и стремился на огонек троллейбуса. Чтобы попугать кондукторшу, Цусимыч говорил собачке:

- Шкентик, куси ее!

Для одинокого прохожего в промзглое межсезонье освещенный троллейбус на кольце выглядел утепленным спасением. Вторым освещенным объектом в Аркадии был опорный пункт милиции. Оборудованный в скальной пещере пункт имел такой же неистребимо казенный вид, как и любой участок. Чтоб задержанные не хотели оказаться там снова. Аркадийский анискин старшина милиции дядя Гриша, приносил подмышкой из пещеры нечто упакованное в кустарную одеревеневшую кожу, грузил в троллейбус и говорил:

-Вот опять наступил на него, замерз бы!

От пакета разило сивухой. В Аркадии регулярно засыпал на пляжном снегу лилипут, бывший коверный клоун, облаченный в кожаное пальтишко «реглан», и старшина регулярно этапировал его в дом ветеранов цирка, расположенный рядом с пансионатом отдыха фирмы «Мелодия».

-Где Костик? – спрашивал я бывшего коверного.

- Где ему быть? Опять пошел до хозяина, - отвечал маленький, ворочая тележку. Бывший коверный свой багаж, картошку, пустые бутылки, возил на трехосной тележке.

Однажды я угостил его на свою голову, а потом отнес в дом ветеранов цирка. Комната Костика была очень давно закрыта. Он получил жилплощадь, когда выступал в цирке лилипутов. Костик на арене показывал карточные фокусы. Когда ограбили кассу ярославского цирка-шапито, Костик исчез. Комнату в доме ветеранов цирка у него не конфисковали, потому что Костик был инвалидом. Комната пустовала лет шесть, последний срок у него был серьезным.

На месте безобидного, построенного в единой стилизации с турбазой Молодцова-Бадаева приюта вознесся скороспелый небоскреб. Увенчанные колпаками пент-хаузов башни выпячиваются в толчее, как будто хотят заглянуть через плечо впереди стоящей.

Тем не менее, неутомимая верная пятерочка не изменила Аркадии, она по-прежнему манит сиротскими огонечками на пяточке, обещая ностальгическое путешествие сквозь жизнь. Лучше устроиться на ее сиденьи после восьми вечера, в темноте, когда освободившаяся от пробок Ново-Аркадийская переводит дыхание. И запустение бывшего санатория «Дружба» в темноте не режет глаза. Бомжатник изолирован временным забором, Вонючка уже давно стала Стиксом. Лисицы дорогу у санатория НКВД не перебегают, и потому путь до Пироговской пятерочка преодолевает всего за десять минут. Если сама не поломается.

РЕМПУБЛИКА ТРАМВАЙЩИКОВ

На перекрестке у госпиталя в 61-ом была остановка, здесь удобно было прицепиться к лесенке троллейбуса кочергой и пронестись на велосипеде «Орленок» по Крупской. Или в деревянном ящике на подшипниковом ходу. Ощущения в ящике были острее, чем при езде на картинге, особенно, когда подшипник отваливался. Или простежки на бампере. Первые троллейбусы курсировали с бамперами, потом их сняли, чтоб не цеплялись, ехать на крепежных кронштейнах было неудобно. На Крупской автор, тогда еще ученик девятого класса, швырнул с крыши 57-ой школы в проходящий троллейбус глыбу льда. Было. Троллейбус остановился, вышла женщина-водитель и... разрыдалась, по-деревенски причитая:

-Ой, люды добри, та що ж то робыться!

Мой сообщник Костик, сбегавший хулиганить из специнтерната, изменился в лице. Это была мама Костика, фронтовая жена генерала Аминбаева. Костя был внебрачным ребенком и фамилию не унаследовал.

Когда мы перелезали с нового флигеля школы на старый, под ногой поехала черепица, но автор успел ухватиться за стропила.

-Что под чердаком? – спросил Костик.

- Класс военной подготовки, - сказал я.

- Может, ломанемся? - Костик проверял меня на вшивость. У военрука хранились карабины с распиленными затворами.

Возраст был неустойчиво переходным, проделки не мешали целоваться в ночных отстойных троллейбусах с ровесницами. В троллейбусном депо на Зоопарковой все машины не помещались, хвост их загибался к Пионерской, двери почему-то не закрывали.

По диагонали от школы на Крупской 1 есть квартира, где десятиклассником впервые услышал Окуджаву. Лысоватый человек с усиками, исполнявший в фильме под гитару «Последний троллейбус» уже был ошельмован Никитой Сергеевичем, и даже в кино на него смотрели с опаской. На Высоцкого уже так не смотрели.

После поворота с Крупской на Спортивную пятерочка жметя к трибунам “Спартак”, принадлежавшего долгие годы ОТТУ, Одесскому трамвайно-троллейбусному управлению. У противоположной стороны стадиона, обращенной к Чижикова, часто чалился «оппель-капитан» генерала Аминбаева. На территории ведомственного стадиона располагались два барка семейных общежитий трамвайщиков. В малосемейке жила мама Костика. Она работала водителем троллейбуса третьего маршрута, на пятерочке же оказалась в тот вечер случайно, попросили подменить.

У семейных общежитий пятый на Чижикова трамвай частенько притормаживал, и вагоновожатая выбегала проверить уроки у детей.

Полудикий стадион не один год облагороживался трамвайщиками до состояния терпимости. В те времена в высоких стенах были проломы, как будто их брали приступом. За общежитием трамвайщиков долго маячил обломок дома, в который угодила бомба. Натура была подходящей для съемок военных сюжетов. Когда люди видели над трибунами штандарты со свастиками, они оцепенели. На “Спартаке” киевская киностудия снимала

фильм «Тревожные облака» о том, как угодившая в плен команда киевского «Динамо» выиграла у немцев.

За стадионом путешествие до центра можно было продолжить на архаичном трамвае №23 мытищинского завода «Всероссийской компании электричества». Трамвай с реостатом на крыше, из-за чего его называли еще верблюдом, дергался и дребезжал по Свердлова, искрился, часто застревал, истерично звеня, если впереди ехал грузовик. Прямо с ажурных подножек, на которых висели грозди зайчиков, можно было прикурить у застрявшего рядом мотоциклиста. На повороте перед Сабанеевским мостом 23-ий все-таки успел перевернуться, придавило мамашу с коляской и курсанта средней мореходки. Когда 23-ий в 75-ом искоренили, его заменил пятый троллейбус, маршрут продлили до Греческой. Пятерочка с еще большим трудом, чем трамвай пробиралась через Свердлова, видимо, Канатная была пробочной и заговоренной еще с тех времен, когда по Сабанскому переулку к купальням Ланжерона дребезжала, похожая на этажерку конка. Последние полосы рельсов старого формата выковыряли из мостовой на перекрестке улиц Греческой и Пушкинской в 2006-ом.

Благоустроенный несколькими поколениями трамвайщиков и троллейбусников стадион уже им не принадлежит. Как, впрочем, и прекрасный клуб, он на снимке, переданный или возвращенный церкви. Как и троллейбусный парк на Зоопарковой. Электрический транспорт массированно вытесняют в ущерб вашему здоровью. На месте бывших трамвайных еще дореволюционных территорий депо сейчас строительный рынок. Еще автовокзал «Привоз». Автовокзал метастазно разрастается, здесь уже чалятся междугородние и международные автобусы Одесса-Ростов. Диву даешься, как после пережитого уплотнения трамвайному предприятию удалось за последние годы модернизировать на базе «Татры» 71 вагон. Эти реставрированные трамваи синего цвета. Усиливали рамы, меняли полностью листы обшивки, сидения, устанавливали в салоне электронные

табло со светодиодами. Жизнь трамваям-ветеранам продлена еще на 15 лет, но после капитального ремонта внутреннюю фанерную обшивку разбивают ногами и выщипывают поролон с ручек сидений. Пассажир злобно общипывает кресло, на котором сидит.

ГАЗОВАЯ КАМЕРА ЗА 1,25

Коммунальное предприятие ОГЭТ, «Одесский городской электротранспорт», предлагало продлить линию 12 троллейбуса от аэропорта до 7-го километра Овидиопольского шоссе. Не отвергнуть целиком микро- и макроавтобусы, а лишь цивилизованно обозначиться на транспортном рынке. Инициативу, естественно, встретили в штыки. А выручка от «толчкового» троллейбуса могла бы пойти на обновление экологически чистого транспорта. Продление линии троллейбуса 14-го маршрута, возможно, продлило бы и вашу жизнь, потому что на улицах трудно дышать.

Разве можно сравнить безобидный дымок парового трамвая, который курсировал до Большого Фонтана с нынешними дизельными монстрами-бетономешалками? Застрянет бетоновоз в пробке на Ново-Аркадийской, бочка ворочается, водитель как на иголках, не дай бог раствор схватится, а из его впечатляющей трубы выхлоп поступает в открытые окна маршрутки. И никто эти выхлопы не замеряет. А фонтанский паровой трамвай, безобидный аппарат размером с корову, не особо-то и дымил. Но, чтобы сажа, не дай бог, не марала кружевные зонтики дачниц градоначальником была назначена комиссия. Градоначальницкие эксперты первым делом выяснили у машиниста, чем тот топит топку. Для снижения копоти паровозник к трем частям кокса добавлял одну часть кардиффа. На горизонтальных участках комиссия рекомендовала «не спускать дым». И на трубу надеть сетку.

Троллейбусов все меньше. Поколение, которое выбрало пепси, застало их обшарпанными, с прорехами в гофрах переходов. Молодежь воспринимает троллейбусы неповоротливыми беспомощными увальнями, их теснят маршрутки, для которых и тротуар, и трамвайные пути не преграда. А мы застали пятерочку новорожденной, пахнувшей свежей краской и дерматинном. Мы втискивались в нее, нерезиновую, надсадно были заклиненные двери, и заходила кондукторша, распятая у окна. Мы очень виноваты перед ними, двужильными. Двери на Ново-Аркадийской закрывались только после остановки на Шампанском переулке, когда выходили студенты-политехники. Сейчас даже ограниченная в средствах молодежь все равно выбирает маршрутки, у них другой темп жизни, а льготным троллейбусам остались верны пенсионеры с тачками-кравчучками.

Однажды недалеко от Шампанского в пустынном месте дендропарка моя не очень бдительная жена услышала хруст ветки и обернулась.

На тропке в пустынной чащобе стоял карлик.

- Не стоит здесь ходить с такой красивой сумочкой, - сказал маленький.

Миниуголовник Костя принадлежал к напорох вымершему поколению благородных бандитов. Он раньше остальных начал интересоваться девушками, чуть ли не с пятого класса, как будто чувствовал, что лимит времени неумолимо сокращается.

Костик ушел раньше других моих сверстников, век маленьких до обидного колроток. Вся его жизнь промелькнула по пути движения троллейбуса-пятерочки. Когда гаишники останавливали мотоцикл, которым, думали, управляет ребенок, он поднимал забрало шлема, инспекторы видели морщинистое личико и козыряли.

Пока троллейбус все-таки худо-бедно мигнет электрической искрой. Если пуст, значит, занемог, возраст дает себя знать, он спешит аварийный, тревожно воя, в нынешнее, дальнее стойло на 25-ой Чапаевской дивизии. Прежнего ближнего и удобного его лишили. На холостой перегон,

естественно, тратится электроэнергия, и естественно затраты погашаются за счет налогов, которые мы платим по усиленным тарифам. Прост тарифов будет еще одним поводом освободиться от него. Досадно, если троллейбус и трамвай, которые уверенно развиваются на западе, окончательно задавят конкуренты. Тогда троллейбус станет последним не только в суточном смысле, как у Окуджавы. И не к кому будет прижиматься плечами.